

На 12 часов был назначен митинг, мы с Аней и Галей на него пошли. Спокойно, хорошо, светило солнышко. До конца мы не дотянули, немножко послушали, вернулись домой около четырёх, и в семнадцать десять раздался звонок (я специально запомнил время). Женский голос: «Всеволод Николаевич, говорят с Российского телевидения. Мы в Белом Доме, связь отрезана, нас готовится штурмовать ОМОН. Если у вас есть какие-то знакомые корреспонденты, наши или не наши, передайте им...» Я не знаю, кто это звонил, я знаком был с телевидения только с двумя людьми: с Солнышкиной и Торсененом, но это были не они. Я немножко растерялся, стал говорить, что у меня же, кажется, нет корреспондентов, да и правда их нет. «Ну, хорошо, передайте нашим людям, всем людям.» И начал передавать: позвонил сначала в посольство Швеции, с которым у меня были дела в июне; меня поблагодарили, по-видимому, были не очень в курсе дела. Потом решил позвонить в посольство Соединённых Штатов, по справочнику посмотрел телефон, и это была с моей стороны глупость: я не знал почему-то, что посольство Соединённых Штатов стенка в стенку как раз с Белым домом, окна в окна.

Поскольку «Эхо Москвы» одно-единственное вело соответствующие передачи, позвонил я и туда, и там, как и в американском посольстве, уже все знали. На это я потратил много времени, и, позвонив еще друзьям, мы с Аней решили, что, наверно, идти надо... и пошли спешно. Причём радио к этому времени, «Эхо», передало странное сообщение, что части, охраняющие Белый Дом, отводятся или отведены, по требованию военных баррикады разобраны. Очевидная глупость: мы видели днём эти баррикады, по требованию военных разобрать их так быстро было, конечно, невозможно. С другой стороны, достаточно было даже в одном месте разобрать хороший проход, так, скажем, для одного танка. Как бы то ни было, баррикады якобы разобраны по требованию военных, депутаты спускаются к военным, так было сказано. Потом были разные мнения насчёт того, что это были за передачи, ляпсус или даже провокация, якобы какая-то станция оперативно подключилась на частоте «Эха» и перебивала его провокационными сообщениями. Всё может быть. Но если это было сделано, то сделано чисто.

Поехали. Днём туда много очень людей пёрло, и сейчас достаточно. Приехали в седьмом часу, так же лезли напролом через ограду на Краснопресненской, как и днём лезли. Ничего такого, никаких бедствий не заметили. Шли люди, во дворик, где со стороны парка стоял танк, уткнувшийся в зелень орудия, у забора самого, отделяющего парк от площадки здания Верховного Совета РСФСР. Мы решили поприисутствовать, раз такое положение и что-то готовится. Спросили одного парня, что здесь такое было. Он отчасти оскор-

бился – проверяют, сколько он здесь стоит? - и очень гордо и гневно сказал, что стоит уже три часа (а что происходит, конечно, не знает).

Выяснилось, что депутаты действительно спустились, но, спустившись, разъехались по воинским частям агитировать.

Сели мы на камушек, где поменьше людей было; оттуда нас отогнали (какие-то ребята дежурили)... Взяли мы какие-то досочки, под себя подмостили, на них плащ положили, сидим, и выступают разные люди. Запомнилась Белла Куркова, которая говорила с воодушевлением, а потом тоже как-то ревниво и гневно: вижу, здесь многие прогуливаются, а здесь не место для прогулок. Но, по-моему, таких, кто просто погулять пришёл, видно не было. Настроение, конечно, было у всех разное, у кого-то возбуждённое и вроде весёлое, но гулять было невозможно хоть из-за тесноты: баррикады, танки, толпа людей, машины скорой помощи стояли. Так мы провели часа два.

Стояла женщина с плакатом - я сначала увидел одну, подумал, что её инициатива, а потом еще двоих или троих: «Товарищи мужчины, по Москве идут войска, помогите защитить Белый Дом». Точный текст я не помню, но он был у разных женщин почти одинаковый. Слышали ещё каких-то людей, помню, Любимов выступал по радио Белого Дома.

Рассказывали, что наши российские умельцы за три часа смонтировали в передатчик, и теперь из Белого Дома можно вещать, вести передачи. Российские умельцы-ельцинцы смонтировали такой передатчик, который вещал на американское посольство и, в общем, не дальше, потому что из Сокольников уже и следов этих передач найти нельзя было (на каких частотах искать, у Белого Дома объявляли, и мы это записали). Передатчик был слишком слабый, поймать можно было только «Эхо», время от времени возобновлявшее работу, по крайней мере, у нас ничего другого не получалось. Говорили ещё про «Радио России», но мы его не ловили.

А здесь мы по внутреннему вещанию послушали-послушали, и пришло мне в голову, что как это всё начнётся, обязательно привезут хороший мегафон или передадут с крыши или с этой трибуны двухцветной, или оттуда сбоку, слева, но будет сказано: через столько-то минут очистить площадь посторонним (или собравшимся или кому там). Ну вот что я тогда сделаю? Ведь я, наверное, очищу площадь, не говоря уже о том, что нечего здесь Аньке делать, а что буду делать я сам? Если даже останусь, то чувствовать буду себя глупо, и оно, это сознание не придаст, конечно, бодрости и уверенности: я обязательно буду думать, не слинять ли мне.

Между тем идёт куда-то запись, люди вроде как делом заняты, я понимаю всю условность такой организованности такого дела, но, тем не менее, она здесь, видимо, необходима. Если что-то демонстрировать, то вот таким вот образом, а не иначе. Подумал я подумал и говорю Ане: ведь скажут уйти - ты уйдёшь? Знаешь, наверное, я бы ушёл, вообще-то нам уйти надо. – Но уходить она не хотела, и тем более одна.

Пошли мы с ней вверх. Тут я, кстати, и узнал впервые, где это - здание американского посольства. Встретили, кстати, Евгения Евтушенко с парой каких-то граждан американского вида. Пошли направо, на Смоленскую (здесь через несколько часов убьют трех человек).

Из дому мы выскочили не поевши и толком не одевшись. Правда, Анька взяла какой-то мешок, наскоро собрала что-то. Мы, между прочим, думали, что вонь какая-то уже будет, и первым делом в голову приходил слезоточивый газ, так что Аня взяла ваты с собой клочок и мне в карманы запихнула, кажется, йода пузырёк, вообще аптечку.

Дома включили «Время». Я собирался вернуться к Белому Дому попозже, но тут объявили комендантский час. Поторопился, поднажал и из метро на Краснопресненской вышел без пяти одиннадцать. И народу было, все пёрли, как днём на митинг, много-много, видимо, соображение было у всех то же, что у меня: успеть, пока метро не перекрыли.

Днем у Белого Дома был аэростат с флагами, это было первое, что мы с Аней увидели, выйдя из метро. Грешным делом, когда принесли грузинское знамя, мы не знали, что оно грузинское, страшноватое нам показалось, тёмно-красное, бордовое, чёрное наполовину, ещё там что-то такое изображено. Разных флагов было до пяти, может, потом и больше, гирлянда. И с наступлением темноты Белый дом очень ярко осветили, необычно ярко, как в праздники. Памятник там стоит, работница и солдат, у солдата ружье, видимо, настоящее или почти настоящее, с дыркой, и в дырку был воткнут трёхцветный флаг, цветы рядом лежали... Вообще цветов было много везде. Вечером всё было уже более по-деловому, более нервно и под дождём.

А в одиннадцать вечера в небе над Белым Домом было уже пусто. Дом был освещён, но не так ярко. Кстати, передавали, что в 22 часа должна была начаться сессия верховного совета РСФСР, - и казалось странно, что в Доме темновато. Потом уточняли, что сессия будет на следующий день, утром двадцать первого, и кто-то, выступая по радио рассуждал, что нам бы хоть

день простоять да ночь продержаться, а утром-то у нас всё будет в порядке, начнётся сессия.

Дождик принялся уже серьёзно лупить, у меня там была сумка, в сумке аптечка (комоч ваты и йод), фляжка с водой, зонт, пол-плитки шоколада...

Между прочим, ещё днём я заметил, что баррикада тщательно положена была со стороны Грузинской, которая от станции Краснопресненской идёт. Проложена аккуратно, на всю ширину улицы, а справа оставлен проход для людей. Там низкие кусты растут, ветки тянутся во всю ширину тротуара, а вся ширина тротуара ничем не закрыта: кто там под мокрые ветки полезет, вообще неудобно всё затаскивать, ну и люди чтоб прошли, чтоб не гнать их в эту зелень.. Как бы то ни было, здесь не то что танк, а и машина, если стёкла закрыть или если стёкла крепкие, проехала спокойно. Так что баррикада сплеховала. В другом тоже были странности: например, эспланада около здания СЭВ, крыльцо такое большое, широкое, оно, по-моему, едва ли БТР бы выдержало. Солидное на вид сооружение кое-как завалено: распихать и въехать, конечно, ничего не стоило. Не знаю, насколько всё было на самом деле хорошо сделано, но казалось, что не всегда основательно, хотя кое-где очень много всего навалено. На горбатом мостике всю брусчатку разобрали. Конечно, брусчатка не подлинная, а так, поздний, новоделный декоративный тип, как около МХАТа.

Слышу, крики раздаются слева из-под козырька этого самого СЭВа: «Мужчины, записывайтесь в группы самообороны, мужчины, записывайтесь в группы самообороны!» Я пошёл на крик, там толпятся люди какие-то. «Кто записывает?» - «Вон там пишут». Подошёл, смотрю: да, малый чего-то пишет; лет парню, наверное, двадцать пять, несколько сухощавый, задорный такой, хорошего комсомольского типа, из тех, к которым хорошо относятся. Ребята не противные (потом-то они всякие бывали, но по первому впечатлению). Спрашиваю, что такое группа самообороны. Он на меня смотрит и говорит: «А это вот ты стоишь, тебя солдат по морде бьёт, а ты не отвечаешь». Я как-то себе представлял немножко по-другому, но, видимо, тут такая установка. «Что ж, - говорю, - пиши», - и записался. Группа 402-ая, этот парень - Игорь, командир двадцатки, и были там еще какие-то сотни. Это набиралось, чтобы выстраивать цепь. Когда я записывался, сказал, что вообще-то не в армию какую-то записываюсь, а только вот на эту ночь. Малый кивнул, видимо, так он и думал, как я понял, так и большинство записывалось.

Этот Игорь светил зелёным фонарём, длинный такой фонарик, небольшой, вытянутый сильно в длину. Свет давал, сначала казалось будто суховатый,

маскировочный, потом смотрю, что нет: яркий зелёный свет, то ли фильтр какой, то ли галоген, любопытный фонарик. По-моему, я такие видел в Германии...

Под козырьками, где можно было укрыться от дождя, люди стояли тесновато, туда идти не хотелось, и пошёл наверх посмотреть, что там. Мне показалось, что тысяч десять народу только с этой точки видно, а было, конечно, больше (оттуда не видно было, например, двора Белого Дома). Баррикады были довольно далеко во многих местах вынесены от Белого дома, говорят, что людей было несколько десятков тысяч, по каким-то оценкам - около семидесяти.

Наверху народ прохаживался. Помню разговор. Продолжают люди прибывать, записываются, самооборона, и баба очень тёртого вида: «Чем браниться-то будем, начальник?», а я: «Зонтами, чем еще, зонтами».

Сверху видно было баррикаду, довольно-таки несерьёзную, по-моему, с Кутузовского. Кутузовский был перегорожен к мосту через Москву-реку, и под мостом было загорожено на набережной, может быть, дальше Бородинского. В дальнейшем там, кажется, что-то происходило; нам говорили, что и должно происходить. Было две баррикады: в начале моста и в конце. Троллейбусы стояли поперёк, из троллейбусов или из автобусов было навалено.

Отходить далеко было нельзя: предупредили, что будет перекличка. Пошёл вниз, успел на свою фамилию крикнуть «Есть!», выстроили нас в ряд и поставили. Сначала поставили здесь же, от угла СЭВ, вернее не то что от угла, а вот где-то здесь же, где были укрытия, и до другой стороны улицы, потом вперед отвели. Было три цепи, как я понял: 402-ая, 403-я, 404-ая. В цепь мы встали около половины двенадцатого.

Сумки оставили все под козырьком в кучке, около сумок поставили человека из нашей группы. Мужик пожилой, видимо, очень тёртый, бывалый, говорил, что он здесь и прошлой ночью был. Думаю, постарше меня был, несколько бомжистого вида, в кепочке, приземистый, оскаленный несколько.

Объяснили, что надо делать. Объяснений было несколько. Первое: не поддаваться на провокации, удары отражать зонтами, это если пойдут с палками резиновыми, на удары не отвечать ни в коем случае ничем и держаться по возможности плотно уцепившись локтями. Если начнётся избиение, то тогда, конечно, отходить, если будет огонь, то в укрытие, укрытие присмотреть заранее. Оглянулись: какие на фиг укрытия, тут никаких укрытий нет. И тут стали все смотреть под ноги. Дождь лил всё время, кругом вода течёт. Чтобы

близко от луж не становиться, на случай, если упадёшь убитый, чтобы не в лужу, а если не убитый, то тоже чтобы не в луже лежать.

Как нас поставили, сцепившись локтями, так мы и стояли. Но, конечно, время прошло, мы стали свободнее, расслабились даже без команды — несколько раз нам командовали: «Все в строй, взялись за руки, никого не пропускать». Посмотреть, что несёт. На самом деле люди всё время ходили, никто не хотел изображать настоящее начальство. Большие сумки как-то проверяли, а чтобы не давать пройти - это было невозможно.

Слева от меня малый в беретке, длинные волосы, блондин. Он, видимо, был журналист, у него был фотоаппарат, он его всё время вынимал и снимал знамя трёхцветное над нами. Но Дом был подсвечен слабо, а уже мгла такая была, дымка, всё это дело тонуло. Может быть, для фотографического эффекта дымка и лучше, не знаю. Я помню, когда часа через два стал дымок рассеиваться, я сказал, что сейчас снимать надо, и малый соблазнился: «Да, тут даже могут цвета флага выйти, щёлкну ещё раз, такой патетический кадр, в мгле, в мути дождевой, туман и пасмурно, Белый Дом... Освещённое оно так клёво». Кстати, окна почти тёмные, непонятно, было ли там заседание. Наверное, заседание было самое номинальное к концу вечера.

Прошла какая дама через наши цепи, стали говорить, что это артистка известная. Потом впереди свет зашарил на баррикаде, баррикада была метров за 100 на мосту. Там, конечно, всё было живописней, корреспонденты всё время что-то снимали, и, в частности, был корреспондент с фонарём белым, ярким, с батареей на поясе... Я видел в Питере у канадца-телевизионщика такой фонарь, светится как настоящая фара, и минут двадцать он может так жить.

Справа стоял блондин, нерусский паренёк, в ковбоекке. Вообще ночь была не очень холодная. Я свитер надел: промозгло, дождик... а парнишка стоял в ковбойке. Около него всё время крутилась дама с зонтом, сестра его, что ли, и всё время говорила про бабушку: ты же бабушку убьёшь, пойдёшь позвони. А где позвонить? На тысячу народу один, может быть, автомат, и никто не знал толком, где он, может быть, через несколько оцеплений надо пройти.

Подошёл малый вроде бы в форме, вроде бы солдат, в зелёном. Голова перевязанная, на перевязке кровь запёкшаяся. Сказал, что людей задавило. Упорный слух был, что задавило непонятно сколько людей: больше на одного или на двух человек, но там так ужасно задавило, что не могут разобраться с этими останками. (Не знаю, насколько это правда, насколько нет, но тогда

назывались другие цифры: пять задавленных и один застреленный.) Когда этот малый подошёл и доложил, то сбоку раздалось кряхтение: «И зачем он это всё говорит?». И все поняли, что действия начались, что прут, людей давят. Говорили, что женщина остановила бронетанковый батальон. И что дан приказ: никаких женщин, кто особенно упирается — давить, а кто выступает — стрелять. И что офицер в какого-то активиста стрелял.

Тут, конечно, дама с зонтиком совсем взбеленилась на парня, ей очень хотелось, чтобы он шёл домой. Потому что действительно тут что-то будет (а может, и ничего не будет).

Я, честно говоря, думал, что хорошего-то будет мало, и даже был уверен, что придётся газа глотнуть. И ничего хорошего для себя я от этого газа не ждал, у меня и так глотка и бронхи никуда не годятся. Ну, так или иначе, народу тоже много. Газ тоже можно по-разному глотнуть. Нам дали тряпочки: кто-то отложил, кто-то решил тут же в луже намочить. Я намочил, отжал, положил в карман справа, потому что если будем держаться локтями, только так можно будет её из кармана кистью руки взять. Если вокруг шеи повязать, потом на нижнюю челюсть надвинуть, будет держаться. На лоб мне что-то не захотелось, а на шее платок — нормально. Если со лба оно слезет на глаза — точно уже ничего не увидишь. А малый рядом стоит, тряпку переминает, не знает, что с ней делать. «У тебя что, платка нет, на тебе платок, повяжи вокруг шеи, как я». Подвязался этим платком и ушёл, видимо, все-таки к бабушке, потому что больше я его не видел.

До часу ночи постояли, ничего не происходит. Несколько расслабились, разбрелись, то да сё... Достояли до двух. Чувствую, что стало тошно, целый день переминались, дёргались, ноги не стоят. «Товарищ командир, я пойду к смене, часик посижу». Вернулся - лица какие-то несколько иные, в цепи уже всё чуть-чуть по-другому. Нет одного заметного активиста, большого, с радиоприёмником. Он пришёл прямо с радиоприёмником, на антенне нацепил трёхцветный флаг, и сразу стал заместителем Игоря.

Командиров я видел двоих. В нашей двадцатке — Игорь, и над всеми тремя двадцатками еще один. Вообще же двадцаток, наверно, должно было быть на этом месте больше трех... Но я помню три двадцатки, на нашей стороне, видно. До середины осевой. Мы встали, кстати, очень близко к осевой. Несколько правее. Если они будут как раз соблюдать правила движения, то мы несколько в стороне от потока окажемся, а не прямо перед ним, перед техникой.

В какой-то момент пришли новые сведения о происходящем, и нас предупредили, что бронетехнику надо будет пропускать. А ставить живые заграждения нечего.

Радио говорило плохо, питались самодельным вещанием. Умельцы-самодельцы вещали как раз на эту площадь. Тут было слышно у Белого Дома тем, у кого был транзистор, кто поймал. Ну и что-то через динамик доносилось отрывочно. Хорошо помню текст объявления, инструкции, по-моему, это читалось, когда я был ещё наверху, на эспланаде. Что если слезоточивый газ, «черёмуха», можно посоветовать только одно: промой глаза, прополощи горло, и больше я вам, дорогие друзья, ничем не смогу помочь. Таким упавшим, но очень сердечным, душевным голосом. И тут у меня смутно забрезжило, что тут не совсем ладно. Потом спросил у кого-то — точно, это считается самое вредное дело при слезоточивом газе — вода, газу только того и надо, он начинает разъедать ещё лучше. И, оказывается, есть такое правило: никаких промываний, никаких полосканий.

Стрельба велась, пулемётные выстрелы и очереди. Думаю, что это была не та стрельба, которая разразилась, когда был инцидент 015 (стрельба интенсивная и массированная, палили несколько пулемётов с БТРа и палили несколько солдат в воздух, когда перескакивали из одного БТРа в другой). Тут немножко по-другому. Было несколько выстрелов, очень гулко от здания СЭВ, от самого здания Белого Дома, от здания левее моста, большого такого. Неприятно, близко совсем, прямо у нас за спиной, и каждый раз режут: «Позор! Позор!». Я не знаю, что это была за стрельба, но сейчас думаю, что, может быть, и пьяная. Потому что потом командир начал нам внушать: если увидите пьяных, вы не поддавайтесь, ходят разные, провоцируют, пьяные сволочи. Видимо, были известия, что не всё в порядке в тылу, что какие-то люди ведут себя не совсем так, как надо, и через какое-то время мы увидели двух ребят в форме, они вели какого-то третьего, пониже ростом, крепко взяв под руки с обеих сторон. Кажется, потом уже стрельбы не было, всё это тарахтело примерно часов до двух.

В начале четвертого я попросил сменить себя, глотнул водички, это очень кстати было. Ходили предлагали и еду, но я есть не стал: и не хотелось, и были мысли, что если правда пуля или не пуля саданёт как следует в брюхо, то ничего хорошего, если оно будет полное. Носили какое-то питьё...

Какие-то новые лица появились. Муж с женой, хоть и говорили, что женщинам надо встать назад. Женщина очень боевая, с рюкзаком, туристским. Заводные ребята, чрезвычайно. И ещё какая-то дама была... И человек, кото-

рому сказали, что он южной национальности, и он посмотрел на сказавшего: «Дурак ты дурак». Были ребята молодые двое, и всё время друг другу: «Ты провокатор! - Нет, ты — провокатор!». Баловались, грелись, резвились, несколько нервно, возбуждённо.

Но вообще про провокаторов нам много говорили. Объясняли, что нужно высматривать, чтобы ни у кого не было бутылок, никакого оружия, всего, что может быть похожим на оружие. Говорили, что зонты — это очень хорошо. Какие-то люди проходили с угрожающего вида палками, палки нелепые, обрезки досок, не струганых. Эти палки опасны даже если их просто кто-то возьмёт рукой, сразу куча заноз. Драться ими как раз неудобно. Какие-то пацаны-недомерки ходили с этими палками. А бутылок, говорили, вообще не надо, во-первых, чтобы не было пьянства, а во-вторых, недоразумений, бутылки с зажигательной горючей смесью можно использовать как оружие.

Помню ехидного бородатого малого, который всё время говорил, что он вроде как нарывался на эти танки, что он сейчас покажет, как надо с ними бой вести. Объяснял командиру про бутылки, а командир он нам потом говорил, что лезть на танки не наше дело, для этого стоят специальные люди. И, видимо, какие-то люди с оружием были, как минимум, с бутылками на баррикадах. Думаю, что и не только с бутылками. Известный эпизод, который стоил троим людям жизни, оно как раз с применением бутылок и был связан.

Парень с бородой всё время что-то говорил, метко и ехидно. Очень удачно выразился, когда в очередной раз произошло шевеление: «Лягушонка в коробчонке едет». Мы смотрели в сторону Кутузовского проспекта, откуда, как нам было сказано уже после того, как я вернулся к четверем утра в цепь, из Кубинки идут десантные части. Уже летели доклады, что десантники там-то, что вступают в Голицыно, на Кольцевую дорогу, на Кутузовский проспект... И действительно, что-то происходило. Во-первых, под мостом какое-то движение: братание или перебранки, не знаю. И всё время что-то мерещилось в перспективе, дым: то ли мотор горит, то ли танк какой.

Танки стояли справа от меня и слева от моста, не меньше четырёх, и один БТРчик. Иногда они начинали дымить, железо крутить, вверх-вниз орудие. Один в нас целился, башню поворачивает — звук жутковатый. Дым начинал идти подсвеченный, дизельный какой-то. Шевеление света по стенам. И каждый думал, что уже начинают переть на баррикады. Мне было сразу понятно, что троллейбус танку не помеха, БТР ещё будет думать, а танк спокойно поедет с троллейбусом на голове. Вообще справиться с нами просто: раздвинут заграждения и пойдёт или ВДВ с боем, с огнём, или пойдут со щитами и пал-

ками, но, видимо, и с газом, а сами в противогазах. И казалось, что уже начинается какой-то шум, но оказалась только «лягушонка в коробчонке».

После четырех, когда ничего все-таки не произошло, то я отлучился, пардон, в сортир. Он как раз на набережной, перед Домом. Всё время какие-то жуткие звуки, шумы, и вдруг начинается рёв, скрежет, грохотание. Это какие-то молодцы приехали нас подбодрить, какая-то группа из Ленинграда, что ли. У них мощный динамик; говорят, кто хочет объявлять, идите к нам объявлять. Объявлений не слышал, но рёвы и попытки сыграть были. Какая именно музыка, не помню: по понятиям этих групп, настоящая, а по мне безобразный шум... Перед тем еще какая-то женщина спела: «Наденьте погоны, корнет Оболенский, раздайте ордена». Она, наверное, хорошо спела, но я эту песню не люблю и был рад, когда она закончилась. А уж ленинградская музыка совсем никуда не годилась, не музыка, а какая-то бестолковщина, особенно с этой неудачной акустической системой. Ещё подъехали барды, как раз когда я сидел под козырьком, караулил, парень со мной сидел и сказал: «Ну, «Аврора» приехала, причалила, сейчас будет палить по Белому Дому». Потом выяснилось, что Силаев их вызвал, три или четыре барда, и они светом как-то помогали, чем это помогало — неясно, но вроде как ободряло...